

РАЗВИТИЕ ДОКТРИНЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ: БАЛАНС СУДЕБНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И СУДЕБНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Н. С. Конева, konevans@susu.ru

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

Аннотация. В статье исследуются механизмы и закономерности влияния правовых позиций Конституционного Суда РФ на содержание и развитие правовой доктрины публичной власти. Изучается роль Конституционного Суда РФ в толковании конституционных принципов, формировании новой правовой терминологии и ключевых концепций в рамках правовой доктрины публичной власти. Исследование подтверждает гипотезу о значительном влиянии Конституционного Суда РФ на формирование и развитие доктрины публичной власти в России: правовые позиции Суда служат ориентиром для правоприменителей и ученых-юристов, обеспечивают преемственность правовой мысли и способствуют реализации принципа правового государства.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, доктрина публичной власти, правовая доктрина, конституционные принципы, правовые позиции, толкование Конституции, верховенство права, конституционный порядок.

Для цитирования: Конева Н. С. Развитие доктрины публичной власти в решениях Конституционного Суда РФ: баланс судебной интерпретации и судебного правотворчества // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2025. Т. 25. № 2. С. 89–97. DOI: 10.14529/law250214.

Original article
DOI: 10.14529/law250214

DEVELOPMENT OF THE DOCTRINE OF PUBLIC AUTHORITY IN THE DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION: JUDICIAL BALANCE INTERPRETATION AND JUDICIAL LAW-MAKING

N. S. Koneva, konevans@susu.ru

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. The author examines the mechanisms and patterns of influence of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the content and development of the legal doctrine of public authority and comes to the conclusion that through legal positions the Constitutional Court of the Russian Federation establishes the boundaries and limits of public authority, protects the rights and freedoms of man and citizen, ensures the rule of law and constitutional order. The role of the Constitutional Court in the interpretation of constitutional principles, the formation of new legal terminology and concepts within the framework of the legal doctrine of public authority is studied. The study confirms the hypothesis about the significant influence of the Constitutional Court of the Russian Federation on the formation and development of the doctrine of public authority in Russia: the legal positions of the Court serve as a guide for law enforcement officers and legal scholars, ensure the continuity of legal thought and contribute to the implementation of the principle of the rule of law.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, doctrine of public authority, legal doctrine, constitutional principles, legal positions, interpretation of the Constitution, rule of law, constitutional order.

For citation: Koneva N. S. Development of the doctrine of public authority in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation: judicial balance interpretation and judicial law-making. Bulletin of the South Ural State University. Series “Law”. 2025. vol. 25. no. 2. pp. 89–97. (in Russ.) DOI: 10.14529/law250214.

Проблематика исследования. В контексте нормативно-доктринального развития правовой системы конституционные суды играют ключевую роль не только как институт правосудия, но и как значимый участник творчества. Одним из инструментов, используемых конституционными судами для адаптации и развития правовой системы, становится формирование в рамках вырабатываемых правовых позиций ключевых категорий и концепций правовой доктрины.

При этом, помимо решений, в которых определено определение природы публичной власти – это главный, ключевой вопрос, Конституционный Суд РФ обращается и к иным юридическим конструкциям публично-властной сферы и сферы властеотношений в своих решениях, актах толкования, наполняя содержанием отдельные структурные элементы системы публичной власти.

Н. С. Бондарь отмечает: «По самой природе, существенным характеристикам и результатам деятельность КС РФ не исчерпывается правоприменением. Она имеет значительно более сложный характер: получая институциональное оформление, прежде всего как правоприменительный юрисдикционный процесс, конституционное правосудие – и это становится все более очевидным для отечественной юриспруденции – в своих итогово-правовых характеристиках сближается с нормативно-установительной юридической практикой, с правотворчеством» [4, с. 75–76]. Т. М. Пряхина также считает, что «Конституционный Суд России играет роль признанного центра, генерирующего основные положения конституционной доктрины, что отражает общую закономерность, характерную для всех государств, наделивших власть полномочиями судебного нормоконтроля» [12, с. 170].

Предположение о значимой роли Конституционного Суда РФ в формировании и развитии правовой доктрины публичной власти основано на признании того, что правовые позиции, отраженные в постановлениях и определениях Суда, устанавливают пределы и границы публичной власти, защищают права и свободы человека как основу взаимоотношений с властью, обеспечивая тем самым справедливость и правопорядок в обществе и доктринальную основу властеотношений. С помощью правовых позиций происходит содержательное наполнение правовой доктрины, а также концепций и категорий, ее со-

ставляющих, развивается правовая теория, поддерживается публично-правовой порядок.

В первом приближении формирование правовой доктрины публичной власти Конституционным Судом РФ происходит через толкование, в ходе которого суд осуществляет интерпретационное развитие конституционных принципов. Но, по верному замечанию В. Д. Зорькина, деятельность конституционных судов по осуществлению контроля конституционности не может быть сведена к формально-юридическому (в духе юридического позитивизма) применению конституционных принципов и норм [7, с. 35].

Признавая значимость роли Конституционного Суда РФ в системе органов государственной власти, развитии конституционализма, охране и защите Конституции, было бы методологически неверным оставлять в стороне, в первую очередь, те характеристики решений Конституционного Суда РФ, которые вытекают из анализа ст. 125 Конституции РФ и Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». Иной подход приведет к необоснованному отграничению правовой природы актов Конституционного Суда РФ как судебных правоприменительных актов и актов конституционного судебного контроля от их нормативной и доктринальной природы.

В. В. Лазарев пишет: «Правовые позиции, выраженные в решении Конституционного Суда – вместе, или лучше сказать, в контексте с особыми мнениями судей – во многом напоминают доктрину в самом прямом смысле этого слова. Следовало бы также уподобить решения Конституционного Суда праву юристов, коллективному праву юристов» [9, с. 49].

Т. М. Пряхина отмечает: «Осуществляя конституционный контроль, суд изобретает и расширяет конституционную доктрину, некоторые положения которой связаны с основным текстом легкими паутинками – если вообще связаны» [12, с. 170].

Рассматривая нетипичные источники гражданского права, А. Я. Рьженков и О. А. Яковлева полагают, что само по себе обращение к научной мысли при обосновании судебной позиции – один из способов санкционирования правовой доктрины [13, с. 36]. А с учетом того, что научная мысль находит свое отражение не только в актах применения

права, но и в нормах закона [10, с. 3–20], этот вывод видится еще более интересным и ценным применительно к Конституционному Суду РФ, поскольку этот орган выступает и как правоприменитель, и как правотворец (даже если признавать его роль только лишь как негативного законодателя).

Концептуальные рамки исследования определяются основными положениями теорий конституционного контроля, правовой доктрины и правоприменения. Правовая доктрина публичной власти, понимаемая как особая форма воплощения теоретических знаний о публичной власти, является элементом правовой системы Российской Федерации и имеет при этом выраженную практическую направленность. Она представляет собой систему идей и взглядов на ключевые аспекты права (в той или иной области) [10, с. 3–20], базирующуюся в том числе на системе нормативных положений и правовых интерпретаций норм.

Именно практическая направленность, как представляется, не позволяет рассматривать доктрину исключительно как авторитетное мнение ученых, выраженное в форме принципов, теорий, концепций. По мнению Д. Е. Богданова, такой подход к правовой доктрине (как к авторитетному мнению) «является аморфным» [3, с. 102].

Е. В. Гаврилов пишет: «В доктрине закрепляется научно-исследовательская мысль, формируются идейная основа и теоретический стержень правотворчества, толкования и применения правовых норм» [6].

В содержании конституционной доктрины публичной власти можно выделить составляющую, условно обозначаемую как интерпретационная – важная роль в ее формировании принадлежит Конституционному Суду РФ, который способен как «мягкий законодатель» влиять на правовую систему без непосредственного изменения законодательства, не только истолковывая конституционные положения, но и формируя принципиальные положения и концепции, составляющие в итоге содержание правовой доктрины.

Такой подход, в целом, коррелирует с теорией правовой догмы, утверждающей, что право – завершенная система норм, основанная на логике и справедливости, и правовая доктрина в рамках этой теории играет роль интерпретатора и систематизатора существующих норм, уточняя их смысл и обеспечивая единство применения. Однако вряд ли

Конституционный Суд РФ может на практике полностью отказаться от учета социальных и политических факторов, и это делает его решения более прагматичными, чем строго догматическими. В противовес теории правовой догмы теория правового реализма акцентирует внимание на том, что право реализуется именно в практике, и потому Конституционный Суд РФ, вынося решения по конкретным делам, учитывает и практические последствия своих решений, и стремится к их эффективному применению. В этом смысле Конституционный Суд РФ уже не только «интерпретатор» права, но и его «создатель».

Границы интерпретации: может ли Конституционный Суд РФ переосмыслить и видоизменить доктрину публичной власти? Анализируя механизм интерпретации Конституции Российской Федерации, формирования правовых позиций и развития правовой теории, можно выделить направления влияния Конституционного Суда РФ на процесс формирования и развития доктрины публичной власти, основой для исследования которых становится функциональная триада правовой доктрины (описание существующего права (*de lege lata*); выработка предложений по его совершенствованию (*de lege ferenda*); обоснование и легитимизация новелл) [15, с. 207–228; 7, с. 102].

Выработка правовых конструкций доктрины публичной власти. В рамках осуществления конституционного контроля Конституционный Суд РФ посредством юрисдикционных конструкций определяет правовую природу публичной власти, определяя ее компетенционные параметры, основополагающие принципы и организационно-функциональные механизмы, а также устанавливая нормативно-правовые основания деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления. Институционализация категории «публичная власть» в легальном обороте была осуществлена Конституционным Судом РФ задолго до ее конституционного закрепления в процессе реформы 2020 года, что свидетельствует о ее концептуальной значимости для понимания структуры и функциональных характеристик системы государственной и муниципальной власти в Российской Федерации. Именно посредством формулирования правовых позиций Суд осуществляет развитие и детализацию конституционной интерпретации, адаптируя норма-

тивные предписания к трансформирующимся социально-политическим и экономическим условиям. Это позволяет учитывать динамику общественных отношений и потребности общества, обеспечивать соответствие между правом и социальной реальностью, что, в свою очередь, способствует поддержанию стабильности и функциональности правовой системы. Особую значимость представляет способность правовых позиций генерировать новые правовые понятия и категории, тем самым стимулируя и актуализируя правоприменительную практику.

Проблематика публичной власти становилась предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ неоднократно – как при рассмотрении макроконституционных правовых вопросов понимания публичной власти и ее правовой природы, системы публичной власти, народовластия, так и отдельных институтов в публично-властной сфере – избирательное право, полномочия органов государственной власти и местного самоуправления, разграничение компетенции между органами власти, ограничения и пределы публичной власти принципами правового государства.

Решения Конституционного Суда РФ, затрагивающие вопросы публичной власти, можно разделить на группы. Первая группа – решения, которыми категория «публичная власть» вводилась в легальный оборот. К числу таких решений могут быть отнесены постановления от 15 января 1998 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года «Об органах исполнительной власти в Республике Коми»; от 24 января 1997 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике», в рамках которых публичная власть рассматривалась как совокупность существующих в государстве органов государственной власти и органов местного самоуправления.

В Постановлении от 24 декабря 2012 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об

основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» Суд отмечает, что положения Конституции РФ гарантируют осуществление публичной власти в различных формах, исходя из признания особенностей ее организации и осуществления на каждом из территориальных уровней, в том числе с учетом специфических характеристик конституционно-правового статуса субъектов РФ, а также муниципальных образований. О. А. Кожевников пишет: «Таким образом Конституционный Суд РФ вложил в категорию «публичная власть» не только структурную составляющую, но и пространственно-территориальное содержание, определив необходимость осуществления публичной власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях» [8, с. 43–47].

Давая оценку положениям Закона Российской Федерации о Поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», Конституционный Суд РФ в заключении от 16 марта 2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о Поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» отметил, что «принцип единой системы публичной власти, хотя и не нашел буквального закрепления в гл. 1 Конституции Российской Федерации, вместе с тем тесно связан с многочисленными положениями данной главы, определяющими конституционно-правовые основы построения власти в РФ. В частности, Конституционный Суд РФ разъясняет, что категория «единая система публичной власти» производна от основополагающих понятий «государственность» и «государство», означающих политический союз (объединение) многонационального русского народа, общая суверенная власть которого распространяется на всю территорию страны и функционирует как единое сис-

темное целое в конкретных организационных формах, определенных Конституцией РФ (ст. 5, 10, 11 и 12). Выработанные в рамках этих решений правовые позиции способствовали поддержанию единства правовой природы органов государственной власти и органов местного самоуправления с учетом принципов верховенства права и единого правового пространства – обе категории органов являются элементами публичной власти и подчиняются Конституции РФ.

Кроме названных, значительно число постановлений и определений Конституционного Суда РФ, посвященных отдельным вопросам реализации конституционной модели публичной власти, – формирование доктрины происходит и в том случае, когда Суд рассматривает вопрос о конституционности закона, на первый взгляд, казалось бы не регулирующего напрямую отношения в системе публичной власти, но затрагивающего отдельные аспекты взаимодействия человека и государства. Во многом это обусловлено тем, что властеотношения как центральная категория доктрины публичной власти пронизывают многие сферы общественной и политической жизни. Как отметил Н. С. Бондарь в одном из интервью, Конституционный Суд РФ занимается конституционализацией политики, не выходя за рамки свойственных ему функций сугубо правового характера [11].

К числу таких решений можно отнести, например, Постановление Конституционного Суда РФ от 16 декабря 1997 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца шестого пункта 1 статьи 28 Закона Российской Федерации от 19 апреля 1991 года «О занятости населения в Российской Федерации» в редакции от 20 апреля 1996 года», Постановление Конституционного Суда РФ от 24 мая 2001 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в связи с жалобами граждан А. С. Стах и Г. И. Хваловой», Постановление Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2004 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов «О федеральном бюджете на 2002 год», «О федеральном бюджете на 2003 год», «О федеральном бюджете на 2004 год» и приложений к ним в связи с за-

просом группы членов Совета Федерации и жалобой гражданина А. В. Жмаковского», в которых Суд, рассматривая вопросы приостановления законами о бюджете действия норм, устанавливающих социальные гарантии гражданам, сформулировал правовую позицию о поддержании доверия граждан к действиям государства, отметив, в частности, что изменение законодателем (в том числе посредством временного регулирования) ранее установленных правил должно осуществляться таким образом, чтобы соблюдался принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, который предполагает правовую определенность, сохранение разумной стабильности правового регулирования, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм и предсказуемость законодательной политики в социальной сфере. Это, как и точность и конкретность правовых норм, которые лежат в основе решений правоприменителей, включая суды, необходимо для того, чтобы участники соответствующих правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав, действительности их государственной защиты, то есть в том, что приобретенное ими на основе действующего законодательства право будет уважаться властями и будет реализовано.

К вопросам доверия к власти Суд обращается также в Постановлении от 14 января 2016 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» в связи с жалобой гражданина С. В. Иванова», отмечая, что принципы правовой определенности и поддержания доверия граждан к закону и действиям государства гарантируют гражданам, что решения принимаются уполномоченными государством органами на основе строгого исполнения законодательных предписаний, а также внимательной и ответственной оценки фактических обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение, изменение, прекращение прав.

При этом в Постановлении от 22 июня 2017 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Н. Дубовца» Конституционный Суд Российской Федерации указал на существенное значение, которое при разрешении споров по искам публично-правовых образований имеет в том числе оценка действий (бездействия) органов, уполномоченных действовать в их интересах, в частности ненадлежащее исполнение ими своих обязанностей, совершение ошибок, разумность и осмотрительность в реализации ими своих полномочий.

Деятельность Конституционного Суда РФ, в первую очередь, формирует интерпретационный компонент правовой доктрины. Суд не только осуществляет нормотворчество путем формулирования правовых норм, но и раскрывает их содержание, вводя в правовой дискурс новые понятия и определяя свою позицию относительно их правовой природы, тем самым стимулируя развитие доктринального понимания публичной власти. В результате, формирующаяся правовая доктрина представляет собой целостную систему теоретических воззрений, объединенных единой концептуальной направленностью и выраженной практической ориентацией.

Затрагивая спорные вопросы, требующие разработки новых правовых концепций (свободы слова, права на частную жизнь, соотношения федеральных и региональных полномочий), Конституционный Суд РФ через правовые позиции способствует развитию соответствующих доктринальных теорий. В дальнейшем, исследуя правовые позиции Конституционного Суда РФ, отраженные в постановлениях и определениях, выявляются новые правовые принципы и механизмы их применения, обогащающие правовую доктрину и адаптирующие ее к изменяющимся социально-политическим условиям.

Взаимосвязь правовой доктрины, формируемой Конституционным Судом РФ, правотворческой и правоприменительной практики.

Говорить о формировании ключевых элементов доктрины публичной власти и ее последующем развитии посредством судебных правовых позиций – верный подход, однако, он не обеспечивает исчерпывающего раскрытия роли Конституционного Суда РФ в про-

цессе развития и концептуального обогащения рассматриваемой правовой доктрины. Следует согласиться с мнением Д. О. Османовой, которая говорит о невозможности игнорировать очевидное вплетение научной деятельности в формирование текущего законодательства и правоприменительной практики [10, с. 3–20].

Развиваемая Конституционным Судом РФ правовая доктрина публичной власти оказывает существенное влияние на правотворчество и правоприменение – Конституционный Суд РФ обеспечивает единство правоприменения в сфере публичного права, создавая систему правовых позиций, которая определяет правила поведения для государственных органов. Решения Конституционного Суда РФ потенциально могут устранять разночтения в практике законодательной и исполнительной власти, обеспечивая доверие граждан, устанавливая границы публичной власти, способствуя укреплению конституционного порядка и обеспечению верховенства права. Выделим аспекты такого влияния.

Первое. Правовые позиции Конституционного Суда РФ, в том числе по вопросам публичной власти, имеют ориентирующее значение для правоприменительной практики, формируя единый подход к интерпретации норм Конституции, стандарты интерпретации, разъясняющие, как должны пониматься и применяться те или иные правовые нормы, что способствует правовой определенности и предсказуемости в условиях многообразия правовых норм и их возможной противоречивости, минимизирует случаи произвола при интерпретации норм.

Второе. Правовые позиции Конституционного Суда РФ помогают подтвердить легитимность интерпретируемых норм и принципов, что в свою очередь имеет ключевое значение в контексте обеспечения прав и свобод граждан, а также в процессе формирования правосознания общества.

Третье. С помощью правовой позиции, толкующей норму и дополняющей правовую доктрину, Суд может «исправлять» неправильную норму, используя толкование *contra legem* («от противного»), придавая нормативному предписанию смысл, противоречащий буквальному прочтению текста. И хотя на сегодняшний день в российском юридическом сообществе консенсуса относительно толкования *contra legem* не сложилось [1, с. 204–

223; 2, с. 40–56; 14, с. 92], мы полагаем, что допустимость такого толкования обусловлена необходимостью обеспечения справедливости, преодоления юридико-технических недостатков законодательства и его возможного отставания от реальных общественных отношений. Н. С. Бондарь пишет: «Ценностно-правовая система конституционализма, основанная на требованиях верховенства права, ... объективно «вращивала» внутри себя, в своей демократической конституционно-правовой среде некие фундаментальные правовые принципы, аксиомы правовой, политической, экономической жизни, которыми мог (а в последующем – должен был!) руководствоваться суд, принимая решение *contra legem*» [5].

В контексте законотворческой деятельности правовые позиции Конституционного Суда РФ служат основой для внесения изменений в действующее законодательство с целью устранения правовой неопределенности или противоречий, выявленных в рамках конституционного судопроизводства. Они также инициируют процессы реформирования и развития законодательства, адаптируя нормативно-правовое поле к запросам и потребностям социума и вызовам, возникающим в сфере правоприменения.

В логику взаимодействия Конституционного Суда РФ с правотворчеством укладываются, как представляется, и рекомендации Суда законодателю. Н. С. Бондарь отмечает: «Специфической формой нормативно-доктринального воздействия конституционно-судебного правосудия на правовую систему является формулирование Конституционным Судом Российской Федерации по итогам рассмотрения дела рекомендаций законодателю, которые хотя и не имеют непосредственно обязывающего значения для нормотворческих органов, тем не менее ориентируют их на последовательную и систематическую реализацию конституционных принципов и норм в текущем законодательстве [5, с. 145]».

При позитивистской парадигме правопонимания постулируется недопустимость ква-

лификации судебных рекомендаций, адресованных законодателю как обладающих юридически обязывающей силой. Данная концепция нивелирует вопрос о приоритете конституционного правосудия над законодательной властью, а также необходимость учета дискреционных полномочий законодателя, что не подвергается сомнению. Основную роль в данном контексте играют презумпция добросовестности законодательного органа и презумпция добровольности исполнения рекомендаций, сформулированных Конституционным Судом РФ.

Основные выводы. Конституционный Суд РФ как орган, осуществляющий конституционный контроль, играет существенную роль в формировании и развитии правовой доктрины публичной власти, а также в концептуализации сущности и функциональных характеристик публичной власти. Сформированная Судом «интерпретационная доктрина» обеспечивает понимание Конституции и ее применение в практике, оказывает влияние на формирование правовой культуры и способствует укреплению принципа верховенства права.

Системообразующий характер правовых позиций, формулируемых Конституционным Судом РФ, обеспечивает внутреннюю согласованность права и правовой системы, устраняя коллизии и несоответствия в нормативно-правовых предписаниях. Постановления и определения Конституционного Суда РФ, посредством толкования раскрывающие содержательное наполнение конституционных норм и устанавливающие принципы и методологические подходы к их применению, выступают в качестве значимого источника правовых идей и концепций, которые в дальнейшем инкорпорируются в правотворческую и правоприменительную деятельность. Конституционный Суд РФ, развивая содержание правовых принципов, детализируя существующие правовые конструкции, юридические понятия и термины, вносит значительный вклад в непрерывное развитие конституционной доктрины.

Список источников

1. Аллахвердиев И. Г. О допустимости толкования *contra legem*: философско-правовые и формально-юридические аспекты // *Цивилистика*. 2024. Вып. № 1 (январь–февраль). С. 204–223.
2. Аллахвердиев И. Г. Толкование *contra legem*: место в системе видов толкования // *Теория государства и права*. 2022. № 4 (29). С. 40–56.

3. Богданов Д. Е. Постмодерн в российском частном праве: взаимодействие правовой и судебной доктрины // *Lex Russica (Русский закон)*. 2021. Т. 74. № 11 (180). С. 102–123.
4. Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // *Журнал российского права*. 2007. № 4. С. 75–76.
5. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2011. 543 с.
6. Гаврилов Е. В. Еще раз о доктрине как источнике права // URL: https://zakon.ru/blog/2024/02/08/eschyu_raz_o_doktrine_kak_istochnike_prava.
7. Зорькин В. Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. Санкт-Петербург, 2021. 155 с.
8. Кожевников О. А. Публичная власть в позициях Конституционного Суда РФ // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы: материалы VII международной научно-практической конференции. Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 43–47.
9. Лазарев В. В. Техника учета решений Конституционного Суда Российской Федерации в законодательной деятельности // *Законотворческая деятельность современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сб. статей: в 2 т.* Нижний Новгород, 2001. Т. 1. С. 49–53.
10. Османова Д. О. Доктрина как источник гражданского права // *Хозяйство и право*. 2003. № 12. С. 3–20.
11. Парадоксы конституционного правосудия // URL: <https://www.advgazeta.ru/intervyu/paradoksy-konstitutsionnogo-pravosudiya>.
12. Пряхина Т. М. Конституционная доктрина Российской Федерации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2006. 323 с.
13. Рыженков А. Я., Яковлева О. А. Нетипичные источники гражданского права // *Бизнес в законе*. 2012. № 1. С. 36–38.
14. Федотов А. В. Возможно ли применение *contra legem* в демократическом правовом государстве? // *Журнал российского права*. 2002. № 8. С. 92–99.
15. Smits JM. What Is Legal Doctrine? On The Aims and Methods of Legal-Dogmatic Research. In: van Gestel R, Micklitz H-W, Rubin EL, eds. *Rethinking Legal Scholarship: A Transatlantic Dialogue*. Cambridge University Press; 2017. 207–228.

References

1. Allakhverdiev I. G. [On the permissibility of interpretation of *contra legem*: philosophical-legal and formal-legal aspects]. *Tsivilistika [Civics]*, 2024, Vyp. № 1 (yanvar'-fevral'), pp. 204–223. (in Russ.)
2. Allakhverdiev I. G. [Interpretation *contra legem*: a place in the system of types of interpretation]. *Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and law]*, 2022, no. 4 (29), pp. 40–56. (in Russ.)
3. Bogdanov D. E. [Postmodernity in Russian Private Law: the Interaction of Legal and Judicial Doctrine]. *Lex Russica (Russkiy zakon) [Lex Russica (Russian Law)]*, 2021, Vol. 74, no. 11 (180), pp. 102–123. (in Russ.)
4. Bondar' N. S. [The normative and doctrinal nature of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as sources of law]. *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*, 2007, no. 4, pp. 75–76. (in Russ.)
5. Bondar' N. S. *Sudebnyĭ konstitutsionalizm v Rossii v svete konstitutsionnogo pravosudiya* [Judicial Constitutionalism in Russia in the light of constitutional justice]. Moscow, 2011, 543 p.
6. Gavrilov E. V. *Eshche raz o doktrine kak istochnike prava* [Once again about the doctrine as a source of law]. Available at: zakon.ru/blog/2024/02/08/eschyu_raz_o_doktrine_kak_istochnike_prava.
7. Zor'kin V. D. *Konstitutsionnoe pravosudie: protsedura i smysl* [Constitutional justice: procedure and meaning]. St. Petersburg, 2021, 155 p.
8. Kozhevnikov O. A. Publichnaya vlast' v pozitsiyakh Konstitutsionnogo Suda RF [Public power in the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Realizatsiya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: sostoyanie i perspektivy: materialy VII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Implementation of the Constitution of the Russian Federation: status and prospects: proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference]*. Омск, 2023, pp. 43–47. (in Russ.)

9. Lazarev V. V. Tekhnika ucheta resheniy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii v zakonodatel'noy deyatelnosti [The technique of accounting for decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in legislative activity]. *Zakonotvorcheskaya deyatelnost' sovremennoy Rossii: sostoyanie, problemy, sovershenstvovanie: sb. Statey: v 2 t. [Legislative activity of modern Russia: status, problems, improvement: collection of articles in 2 volumes]*. Nizhniy Novgorod, 2001, Vol. 1, pp. 49–53. (in Russ.)

10. Osmanova D. O. [Doctrine as a source of civil law]. *Khozyaystvo i pravo [Economy and law]*, 2003, no. 12, pp. 3–20. (in Russ.)

11. Paradoкsy konstitutsionnogo pravosudiya [Paradoxes of constitutional justice]. Available at: advgazeta.ru/intervyu/paradoкsy-konstitutsionnogo-pravosudiya.

12. Pryakhina T. M. *Konstitutsionnaya doktrina Rossiyskoy Federatsii* [The Constitutional Doctrine of the Russian Federation]. Moscow, 2006, 323 p.

13. Ryzhenkov A. Ya., Yakovleva O. A. [Atypical sources of civil law]. *Biznes v zakone [Business in Law]*, 2012, no. 1, pp. 36–38. (in Russ.)

14. Fedotov A. V. [Is it possible to apply contra legem in a democratic State governed by the rule of law?]. *Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law]*, 2002, no. 8, pp. 92–99. (in Russ.)

Информация об авторе

Конева Наталья Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия.

Information about the author

Natalya S. Koneva, Candidate of Sciences (Law), Associate professor, Docent of the Department of Constitutional and Administrative Law, Law Institute, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia.

Поступила в редакцию 26 февраля 2025 г.

Received February 26, 2025.